

ISSN 2413-2578
DOI 10.32626/2413-2578.2020-16

Міністерство освіти і науки України

**Кам'янець-Подільський національний університет
імені Івана Огієнка**

**Національний педагогічний університет
ім. М.П. Драгоманова**

**АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ
КОРЕКЦІЙНОЇ ОСВІТИ
(педагогічні науки)**

Збірник наукових праць

**В и п у с к 16
Том 2**

Кам'янець-Подільський
2020

УДК 376 (082)

ББК 74.30

А-43

Рецензенти:

- О.В. Мартинчук** доктор педагогічних наук, професор, завідувач кафедри спеціальної та інклюзивної освіти Київського університету імені Бориса Грінченка
- О.П. Глоба** доктор педагогічних наук, професор кафедри ортопедагогіки та ортопсихології Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова
- В.М. Лобунець** доктор педагогічних наук, професор, декан педагогічного факультету Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка

Редакційна колегія

В. Бондар, доктор педагогічних наук, професор, дійсний член НАПН України;
Ю. Бондаренко, доктор педагогічних наук, професор; **Н. Гаврилова**, кандидат психологічних наук, доцент; **О. Гаврилов**, кандидат психологічних наук, доцент (відповідальний секретар);
В. Гладуш, доктор педагогічних наук, професор; **І. Демченко**, доктор педагогічних наук, професор; **Т. Докучина**, кандидат педагогічних наук, доцент; **І. Івашкевич**, кандидат психологічних наук, старший викладач; **В. Кляйні**, доктор наук, доцент; **І. Кобель**, доктор наук, доцент; **О. Константи́нів**, кандидат педагогічних наук, старший викладач; **Е.М. Кулеша**, доктор наук, професор; **Я. Лашік**, доктор гуманітарних наук, професор; **І. Мартиненко**, доктор психологічних наук, доцент; **О. Мартинчук**, доктор педагогічних наук, професор; **С. Миронова**, доктор педагогічних наук, професор; **В. Нечипоренко**, доктор педагогічних наук, професор; **М. Панов**, кандидат психологічних наук, доцент; **О. Позднякова**, кандидат педагогічних наук, доцент; **Л. Руденко**, доктор психологічних наук, професор; **В. Синьов**, доктор педагогічних наук, професор, дійсний член НАПН України (науковий редактор); **Т. Скрипник**, доктор педагогічних наук, професор; **Д. Супрун**, доктор педагогічних наук, доцент; **М. Супрун**, доктор педагогічних наук, професор; **А. Шевцов**, доктор педагогічних наук, професор, член-кореспондент НАПН України; **М. Шеремет**, доктор педагогічних наук, професор (головний редактор); **С. Яковлева**, доктор педагогічних наук, доцент.

Друкується за ухвалою Вченої ради

*Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка
(протокол № 4 від 25.06. 2020 року)*

А-43 Актуальні питання корекційної освіти (педагогічні науки): збірник наукових праць: вип. 16 том 2 / за ред. М.К. Шеремет. – Кам'янець-Подільський: Видавець Ковальчук О.В., 2020. – 330 с.

ISSN 2413-2578

ICV 2018: 63.42

DOI 10.32626/2413-2578.2019-14

У збірнику висвітлюються питання спеціальної освіти, представлено широкий спектр наукових пошуків та практичних доробок вітчизняних та закордонних дослідників. Показані особливості організації та проведення навчально-виховної, корекційної-розвивальної та реабілітаційної роботи з різними віковими групами дітей з особливими освітніми потребами як в умовах закладів дошкільної, шкільної та позашкільної освіти, так і в процесі інклюзивного навчання та сімейного виховання.

Збірник наукових праць включено до переліку наукометричних баз даних Index Copernicus, Scholar Google.

ISSN 2413-2578

ICV 2018: 63.42

DOI 10.32626/2413-2578.2019-14

А
Ч
Р

УДК 376 (082)
ББК 74.30

УДК 376.1-056.263:37.015.3
DOI 10.32626/2413-2578.2020-16.213-229

И. Русакович
140105@tut.by
<https://orcid.org/0000-0002-3602-6603>

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БЕЛОРУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И СИСТЕМЫ

Сведения об авторе: Русакович Ирина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры коррекционно-развивающих технологий Института инклюзивного образования Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, Минск, Беларусь. В кругу научных интересов: проблема использования жестового языка как средства обучения, воспитания и развития детей в условиях тяжелой слуховой депривации, лингвистический анализ жестового языка и технологии обучения жестовой речи слышащих и неслышащих школьников и студентов, а также межкультурная коммуникация микросоциума неслышащих и макросоциума слышащих. E-mail: 140105@tut.by

Contact: Rusakovich Irina, PhD of pedagogy, Associate professor of correction and development technologies department, Institute of inclusive

education of Belarusian State Pedagogical University, Candidate of pedagogical sciences, associate professor, Minsk, Belarus. *Scientific interests:* Sign language as a means of teaching, educating and developing of children with hearing impairment; linguistic analysis of sign language; verbal and sign bilingualism (bilingualism); technologies for sign language training of hearing and deaf schoolchildren and students; intercultural communication of microsociation of deaf students and macrosocium of hearing students; professional and personal self-realisation of persons with hearing impairment. E-mail: 140105@tut.by

Сведения о наличии опубликованных статей. 1. Русакович И.К.

Характеристика программно-методического обеспечения процесса обучения жестовому языку в специальной общеобразовательной школе для детей с нарушением слуха / И.К. Русакович // Спецыяльная адукацыя. 2018. № 5 (124). С.50-57. 2. **Rusakovich I.K.** Developing subject competence in deaf students by means of sign language / I. K. Rusakovich // W poszukiwaniu indywidualnych dróg wspierających wszechstronny rozwój osób z niepełnosprawnością. Warszawa: Wydawnictwo Akademii Pedagogiki Specjalnej, 2015. С.234-246. 3. **Русакович И.К.** Профессиональная подготовка учителей жестового языка в Республике Беларусь / И.К. Русакович // Коррекционное образование: история, современность и перспективы развития: сб. научн. тр. Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенка / под ред. О.В. Гаврилова, В.И. Спивака. Вып.17. Серия: соц.-пед. В 2 ч. Каменец-Подольский: Медобори-2006. 2011. Ч.1. С.122-131.

Русакович І.К. Лінгвістичний аналіз білоруської жестової мови у контексті удосконалення освітньої політики та системи. Лінгвістична система жестової мови, її граматики, відноситься до числа малодосліджених наукових проблем. Опис її закономірностей потрібно здійснювати з урахуванням напрацювань у галузі структурної лінгвістики (Ю. Апресян, В. Стокке і ін.), та нових досліджень жестової мови як знакової системи (А. Кибрик, М. Йокінен, О. Сакс та ін.) із залученням нечуючих дослідників.

Нові перспективи лінгвістичного аналізу відкриваються у зв'язку з розробленням та презентацією жестових мов у форматі міжнародного освітнього інтернет-проєкту «Поширимо жест» на сайті Spread the Sign (та участі в ньому Республіки Білорусь з 2016 року). Білоруська жестова мова має всі характеристики повноцінної мовної системи: має особливості лексики та граматики, візуально-просторову специфіку побудови висловлювання, етимологію та універсалії жестів, відображає здатність до «граматизації простору», матеріалізується в жестово-логічному мисленні його користувачів. Розуміння лінгвістичних особливостей жестового мовлення (порівняно зі звуковим) полегшує шлях до оволодіння словесним

мовленням у нечуючих школярів. А для сурдопедагогів – забезпечує продуктивну комунікацію з нечуючими учасниками освітнього процесу та грамотне використання жестового мовлення як корекційно-освітнього засобу.

Ключові слова: національна жестова мова; лінгвістичні особливості; освіта; чуючі та нечуючі учні.

Русакович И. Лингвистический анализ белорусского жестового языка в контексте совершенствования образовательной политики и системы. Лингвистическая система жестового языка, ее грамматика, относится к числу малонисследованных предметов изучения. К описанию ее закономерностей нужно подходить с учетом наработок в структурной лингвистике (Ю. Апресян, В. Стокку и др.) и новых данных научного изучения жестового языка как знаковой системы (А. Кибрик, М. Йокинен, О. Сакс и др.) с привлечением неслышащих исследователей.

Новые перспективы лингвистического анализа открываются в связи с разработкой и презентацией жестовых языков в формате международного образовательного интернет-проекта «Распространим жест» на сайте Spread the Sign (и участия в нем Беларуси с 2016 года). Белорусский жестовый язык обладает всеми характеристиками полноценной языковой системы: имеет особенности лексики и грамматики, визуально-пространственную специфику построения высказывания, этимологию и универсалии жестов, отражает способность к «грамматизации пространства», материализуется в жестово-логическом мышлении его пользователей. Понимание лингвистических особенностей жестового языка (в сравнении со звуковым) облегчает путь к овладению словесной речью у неслышащих школьников. А для сурдопедагогов – обеспечивает продуктивную коммуникацию с неслышащими участниками образовательного процесса и грамотное использование жестового языка как коррекционно-образовательного средства.

Ключевые слова: национальный жестовый язык; лингвистические особенности; образование; слышащие и неслышащие обучающиеся.

Rusakovich I. Linguistic analysis of the belarusian sign language in the context of improvement of educational policy and system. The linguistic system of sign language is a subject of scientific research in many countries of the world. This is a young and promising branch of linguistics, philology, sociology, neurolinguistics, psychology of the deaf and correctional pedagogy.

It is proved that sign language is a complete linguistic system. At the same time, the grammar of sign language, as an area in which the specificity of each language is most clearly, is among the little studied.

A categorical analysis of sign language linguistics in the context of proto-language – verbal language – sign language is of interest for study. A description of its objective laws, the study of the kinetic (visual-spatial) substance of a sign from the standpoint of traditional linguistics is not possible. It should be approached taking into account the developments of structural linguistics

(Yu.D. Apresyan, D. Morris, V. Stokku and others) and new data from the scientific study of sign language as a sign system (A. Kibrik, V.I. Kimmelman, M. Jokinen, O. Saks and others).

New opportunities for studying sign language as a linguistic system are opening up in connection with the presentation of sign languages in the international educational project "Spread the Sign" (and Belarus's participation in it since 2016). Belarusian sign language has all the characteristics of a complete sign system. It has a visual-spatial nature, features of vocabulary and grammar, the specifics of the construction of the utterance, etymology and universal signs. Belarusian sign language reflects the ability to "grammatize space", materializes in the gesture-logical thinking of its users. Understanding the linguistic features of sign language and its differences from verbal (sound) facilitates the path to mastering verbal speech in deaf students. Mastery of sign language by teachers provides a conscious and competent application of its correctional and educational potential, as well as productive communication with deaf participants in the educational process.

Key words: national sign language; linguistic features; education; hearing and deaf students.

Постановка проблемы ее связь с важными научными и практическими задачами. Исследования национальных жестовых языков ведутся во многих странах мира. Лингвистическая система жестового языка – предмет научных исследований в перспективных отраслях языкознания, филологии, социологии, нейролингвистики, сурдопсихологии и коррекционной педагогики. Интерес к изучению жестовых языков обусловлен историческими и социокультурными преобразованиями в системе образования и реабилитации лиц с нарушением слуха, повышением социального статуса и самосознания самих носителей жестового языка.

В сурдопедагогике проблема фокусируется вокруг переосмысления и поиска путей оптимизации речевого развития ребенка в условиях тяжелой слуховой депривации. В Республике Беларусь созданы условия проведения научных исследований и практического решения данного вопроса; согласно ст. 268, п. 20 Кодекса об образовании: «Образовательный процесс при реализации образовательных программ специального образования для обучающихся с нарушением слуха (неслышащие и слабослышащие с потерей слуха в пределах 70–90 децибел) организуется на белорусском или русском (письменная, устная, дактильная формы) и жестовом языках».

Анализ исследований и публикаций по проблеме исследования. Считается, что подлинное научное осмысление жестового языка, как знаковой системы, началось с появлением структурной лингвистики: доказательствами сложной трехкомпонентной структуры жеста (В. Стокку, 1976) и важной смыслообразующей роли мимики (которая маркирует интонационные различия, способы выражения степени признака и др.)

Свою известную монографию о жестовых языках известный нейропсихолог О.Сакс (2014) так и назвал – «Зримые голоса», подчеркивая визуальную природу феномена, включающего мимику и «язык тела» – как неотъемлемые компоненты грамматики и семантики жестового языка. [2, с. 86; 3; 5].

Как известно, в отечественной науке фундаментальный вклад в разработку теории жестового языка внесла профессор Г.Л. Зайцева (1976, 1981, 1991, 1998, 1999). Она систематизировала и опубликовала мировой опыт изучения жестовых языков, анализировала практику их использования в образовательном процессе, осуществляла научное руководство первой в России билингвистической гимназии для глухих детей, сформулировала основные подходы к их обучению в рамках социокультурной и биолого-медицинской концепции глухоты [5, с. 66, 68].

В настоящее время лингвистическая полноценность жестового языка доказана (Г. Зайцева, Д. Моррис, В. Стокку, А. Кибрик, В. Киммельман, М. Йокинен, Д. Дентон, Б. Паттен и др.). Исследуется роль жестовой речи в коммуникативной деятельности, когнитивном, эмоциональном, социальном и личностном развитии человека в условиях слуховой депривации (А. Дьячков, Н. Морозова, В. Петшак, Т. Розанова, А. Горошков, Т. Давиденко, В. Паленный, И. Соловьева). Имеются факты о благоприятном развитии неслышащих детей раннего возраста в условиях словесно-жестового двуязычия (С. Барлоу, М. Йокинен, Б. Паттен, З. Прильвиц, В. Стоку и др.).

Признание общества глухих в качестве одного из многих самодостаточных культурных и лингвистических меньшинств впервые обусловило возможность создания педагогических систем, ориентированных на воспитание глухого как человека, отличного от слышащего, своеобразного и самоценного (Малофеев Н., Г. Зайцева, О. Сакс и др.). [2; 3; 5].

Формулирование цели статьи (постановка проблемы). В Республике Беларусь также ведутся разработки в области жестового языка, методики его преподавания в ВУЗе и использования в специальных общеобразовательных школах для детей с нарушением слуха. Анализ почти тридцатилетнего опыта проведенной работы свидетельствует о дефиците научных данных о белорусском жестовом языке, как знаковой системе, его конвенциональности в сравнении с жестовыми языками других стран, а также актуальности разработок, систематизирующих лексику и особенности грамматики белорусского жестового языка – того образовательного ресурса, который целесообразно использовать в белорусской системе обучения и воспитания детей с нарушением слуха и в системе профессиональной подготовки сурдопедагогов.

Изложение основного материала. Что характеризует белорусский жестовый язык глухих как полноценную знаковую систему? Сегодняшняя наука о жестовом языке идентифицирует его с развитой лингвистической

системой, т.к. ему присущи три основных аспекта любой семиотической системы: наличие в знаковой ситуации двух планов (плана замещаемой реальности и плана выражения её с помощью знаково-символических средств); наличие связи между планом замещаемой реальности и планом её выражения; наличие алфавита, правил сочетания единиц этого алфавита и принципов перевода замещаемой реальности на знаково-символический язык [4, с. 71]. Белорусский жестовый язык как семиотическая (знаковая) система обладает этими признаками. Он, как и любой (звуковой / словесный / вербальный) язык – *полифункциональная система*: форма отражения окружающего и внутреннего мира (психическая функция), материализации мысли и познания объективной реальности (когнитивная функция), актуализация человеческой сущности (функция самоидентификации), общения, социального существования в сообществе глухих, и – через переводчика – в макросоциуме слышащих (коммуникативная функция). Как и все другие языки, белорусский жестовый язык присущ не просто индивиду, а общественному человеку – гражданину Республики Беларусь, его основное предназначение – служить средством общения между людьми (с нарушением слуха) и его функционирование так же в значительной мере обусловлено развитием и жизнью общества. Жестовый язык глухих Беларуси роднят со словесным языком также факты наличия своего происхождения, специфики, особенностей и принципов культуры речи, своего лексического состава, грамматики, богатой структуры простых и сложных высказываний [2, с. 18-20].

Следует отметить, что имеется большое сходство жестовых языков стран постсоветского пространства, обусловленное общими корнями русскоязычного образования и профессиональной подготовки сурдопереводчиков по единой системе (И. Гейльмана, в ЛВЦ ВОГ). Как правило, носители жестовых языков из России, Украины, Беларуси и др. стран бывшего СССР не испытывают никаких коммуникативных барьеров в общении. Также и в белорусской системе образования неслышащих школьников часто встречаются случаи переезда и приема на обучение детей из России, Казахстана, Украины. В этих близкородственных жестовых языках особенно отчетливо прослеживаются языковые универсалии, которые демонстрируют общность принципов языкового устройства во всём многообразии человеческих языков, что объясняется также существованием единых для всего человечества способов осмысления действительности (характеристики числа, времени, законченности, принадлежности и т.п.), определяют стратегию овладения чужим языком и объясняют, почему языки взаимопонятны. Универсальный характер близкородственных жестовых языков еще многократно усиливается за счет общности невербальных механизмов порождения высказывания [3, с. 87-92], славянской ментальностью и в целом наличия пласта лексики, имитирующей, описательной,

обрисовывающей – визуализирующей смысл происходящего. Жестовый язык, которым пользуются обучающиеся с нарушением слуха в белорусских специальных школах, фактически не имеет различий в грамматике и оформлении высказываний с русским жестовым языком, наблюдаются различия в жестовом обозначении отдельных предметов, явлений, действий. Однако в целом проблема установления лингвистических отличий, их количества и качества в русском и белорусском жестовых языках предстоит еще детально изучить и систематизировать.

Сейчас родной жестовый язык, который его носители используют в общении, ученые активно изучают и в разных странах называют по-разному: разговорным жестовым языком, национальным жестовым языком или жестовым языком глухих (на Украине – украинский жестовый язык, в России – жестовый язык глухих России и т.д.).

В настоящее время разработана мировая система обозначения национальных жестовых языков и Европейским Центром жестовых языков (г. Эрёбро, Королевство Швеция) создан сайт www.spreadthesign.com, который представляет собой самый крупный в мире международный словарь, включающий национальные жестовые языки: шведский (SSL), английский (BSL), американский (ASL), немецкий (DGS), французский (LSF), русский (РЖЯ), итальянский (LIS), японский (JSL), финский (SVK), международные жесты (IS), украинский, эстонский, китайский и др. – всего более 30 стран, а – с 2016 г. белорусский жестовый язык (BelSL) [1].

Вокруг термина «белорусский жестовый язык» в настоящее время развернулась оживленная дискуссия – как в системе образования, так и в законодательной базе. БелОГ (общественное объединение «Белорусское общество глухих») инициирует введение такого обозначения во все государственные нормативно-правовые документы: «Закон о социальной защите инвалидов» и «Кодекс об образовании».

В системе общего образования, как и в стране применяются два государственных словесных языка – русский и белорусский. В настоящее время образовательная политика в системе сопровождения детей с нарушением слуха строится на принципе «тотальной коммуникации» - в специальных общеобразовательных учреждениях (кроме дошкольных учреждений) используются все формы речи, в качестве основного средства обучения – словесная речь, а преподавание всех уроков и воспитательный процесс строится на русском языке. С белорусским языком и белорусской литературой, учитывая известные сложности овладения словесным материалом, обучающиеся с тяжелой слуховой депривацией, знакомятся, начиная с 6 класса, при этом приоритет отдается пониманию письменной формы белорусской речи, а преподавание предмета «Беларуская мова і літаратура» ведется на русском и жестовом языках.

В учебно-программной документации, используемой для учебного плана белорусских специальных школ для детей с нарушением слуха,

национальный характер жестового языка не находит отражения: обучающиеся развивают лингвистическую компетентность на предметах «Жестовый язык» и коррекционных занятиях «Развитие жестовой речи».

Предметом изучения на уроках жестового языка и в программах подготовки сурдопедагогов (учебная дисциплина «Жестовая речь с методикой преподавания» и «Жестовая речь как средство коммуникации в сфере профессиональных отношений лиц с нарушением слуха») являются темы: состав жеста и образование жестов; инфлексия; конситуативность жеста; вариативность жеста; жестовые смысловые парадигмы; нотация жестов; общеупотребимые жесты; профессиональные жесты и термины; жестовые эквиваленты обозначения семейных связей и отношений; жестовые эквиваленты оценок качества действия; значение жеста; жестовые обозначения эмоций и чувств; жестовые эквиваленты значения «действовать»; словари-жестовники; международные жесты; строение и грамматическое значение жестовых конструкций; порядок жестов в предложении; жестовые эквиваленты конструкций с предлогами с предлогами (их строение, грамматическое значение и смысловые отношения в жестовых и словесных высказываниях); культура жестовой речи; выразительные средства жестового языка; правила художественного перевода на жестовый язык. Обучающиеся анализируют в жестовом языке такие языковые явления, как: обращение, сравнение, синонимия, антонимия, омонимия, противопоставление, идиомы, цитация, неологизмы, архаизмы, жестовые фразеологизмы, жесты-диалекты; жесты-сленги и т.д. В сравнении со словесным (русским) языком рассматриваются однозначные и многозначные жесты и слова, способы передачи и значения однокоренных глаголов, правила синтаксиса жестового языка (в сравнении с синтаксисом русского языка), комплексный анализ текста и др.

Процесс обеспечения учебными и наглядными пособиями и словарями белорусского жестового языка является актуальным и по ряду позиций находится в нашей стране в стадии разработки (в отношении жестового языка Т.А. Григорьева предлагает использовать обозначение жестовник – от ключевого понятия по аналогии: слово – словарь, жест – жестовник). В белорусских средних и высших учебных заведениях используются словари на бумажных носителях (российских авторов – И. Абрамова «Жесты: словарь-справочник», 1995; В. Базоева «Словарь русского жестового языка», 2009; И. Гейльмана «Специфические средства общения глухих» I-IV части, 1975, 1977, 1978, 1979; Г. Зайцевой «Дактилология. Жестовая речь», 2000; Р. Фрадкиной «Говорящие руки», 2001; Л. Димскис «Изучаем жестовый язык», 1998, «Дактильная речь», 2001, «Русско-белорусский словарь жестового языка», 2006). В этих изданиях представлены разные варианты воспроизведения жестов – рисунки, фотографии, система письменного кодирования. Из видеословарей востребованным долгое время был продукт, созданный

БелОГ совместно с Академией МВД – «Жесты», в котором представлен в основном тематический словарь, отражающий специфику деятельности правоохранительных органов, а также жестовый словарь «РУКО_ВОДСТВО» (Л. Димскис), в котором, как и в русско-белорусском словаре жестового языка проиллюстрировано, закодировано с помощью системы специальных обозначений и представлено около 5000 жестов (из них к 3000 имеется словотолкование на жестовом языке). Автор выделила более 30 конфигураций, около 50 характеристик места исполнения жеста, более 70 характеристик локализации и т.д. В учебных и электронных изданиях Л. Димскис при помощи данной системы зафиксировано обозначение жестов-эквивалентов слов по разным лексическим группам («Семья», «Школа», «Здоровье» и др.). В компьютерном словаре по условным обозначениям жеста (например, по его форме руки) можно отыскать необходимый по смыслу жест, или узнать его словесный аналог, что удобно для неслышащих пользователей. Система условных обозначений востребована также в обучении слышащих жестовому языку, проблематичными остаются вопросы её изучения неслышащими школьниками (особенно в начальном звене). Также дискуссионным остается вопрос о возможности использования данной системы записи жестов в качестве средства общения неслышащих.

Новые возможности изучения жестового языка в Беларуси открылись в 2016 году в связи с присоединением к международному проекту «Распространим жест» (инициатором которого в 2006 г. выступил Европейский центр исследования жестовых языков). Его целью являлась разработка интернет-видеословаря, форма и содержание которого не имеет аналогов в мире. Более 30 государств разместили на известном сайте www.spreadthesign.com свои национальные жестовые языки. Белорусский жестовый язык в объеме более 15000 слов и словесных высказываний теперь также доступен в данном формате (он может быть бесплатно загружен в любой девайс). В словаре содержательно проработана разговорно-обиходная лексика, а также философские, исторические, математические, лингвистические, географические, астрономические, психологические, медицинские, литературные, компьютерные, религиозные и др. термины и определения. Анализ образовательных ресурсов изучения жестовых языков (в том числе размещенных в сети интернет) показывает, что объем лексического материала в словаре SPREADTHESIGN является самым большим из представленных и опубликованных в мире [1; 2, с. 16-17].

Лингвистический анализ белорусского жестовника на сайте www.spreadthesign.com помогает его пользователям осознавать и практиковать в своей профессиональной деятельности и коммуникации с неслышащими важные приоритеты: лексический разбор слова и толкование его значения; понимание этимологии жеста-эквивалента, демонстрация жестов, а не дактилологии; отказ от жестов – «жертв»

кальки; примеры вариативности жестов; учет грамматики жестового языка, специфики построения жестовой фразы; четкость, эстетичность и выразительность показа жестов. Перспективами научно-исследовательской и практической работы над проектом «Распространим жест» является расширение словаря и его наполнение лексикой, характеризующей культурно-лингвистическое пространство Республики Беларусь (названия белорусских городов, значимых исторических событий, традиций, обрядов, памятников архитектуры, блюд, учреждений, программ обучения для незлышащих и др.). Словарь активно внедряется в учебный процесс БГПУ, апробируется в специальных школах для детей с нарушением слуха.

Таким образом, опыт изучения лингвистической системы жестового языка в Республике Беларусь подтверждает, что он имеет все те же признаки полноценной знаковой системы, как и другие – близкородственные и неродственные жестовые языки различных стран мира.

Пласт лексики белорусского жестового языка также включает общеупотребимую лексику, безэквивалентную лексику, жесты – синонимы, антонимы, омонимы, неологизмы, идиомы, фразеологизмы, слэнги, диалекты, архаизмы, заимствованные жесты, международные жесты и др., характеризующие каждую языковую систему, разделы. В нем выделяются различают несколько видов (классов, или групп) жестов, связанных с их этимологией – происхождением жестов: указательные жесты – местоимения ('я', 'ты', 'они'), обозначения частей тела 'рука' – указание на руку и др.); пространственных характеристик ('тут', 'там', 'слева' и т.д.); пластические жесты ('книга', 'стул', 'телевизор', 'черепашка' и др.); жесты описывающие ('звезда', 'лист' (дерева), 'луна', 'пододеяльник', 'слон' и др.); имитирующие, как правило, обозначают способы передвижения и действий ('кушать', 'плавать', 'прыгать', 'знакомиться', 'идти на лыжах', и др.); жесты достаточно условные, в которых сложно увидеть образ обозначаемого предмета ('всегда', 'желтый', 'семья', 'обычно', 'фамилия' и др.). Часть из них имеет форму дактилем ('среда', 'декабрь', 'честно', 'еще', 'кто', 'рассказывать' и др.).

Наблюдения показывают, что при переводе словесной фразы на жестовую, всегда важно задумываться над тем, какой смысл приобретает конкретное слово в контексте и какие средства его адекватно передадут. Иначе в жестовом языке, как слышащих, так и незлышащих пользователей неизбежно возникают жесты – жертвы «кальки» (как их назвала Г. Григорьева) – это стоимость – как 'стоит' человек, 'халат' в халатном отношении. Эту особенность жестового языка Г. Зайцева обозначила как конситуативность, тесная связь с контекстом. Так, в зависимости от контекста, по-разному будет воспроизводиться жест 'маленький' в сочетании с жестами: 'дом', 'теленоч', 'ребеноч', 'котеноч', 'нож', 'знак', 'муравей', 'цыпленоч' и т.п. Также по-разному будет выглядеть жест

'идет' в сочетаниях: *'идет человек'*, *'идет поезд'*, *'идет время'*, *'идет дождь'* *'костюм тебе идет'*, *'идет весна'*, *'идет на лад'*, *'костюм тебе идет'* и др.

*Примечание** В маровких кавычках *'...'* принято указывать жестовые обозначения (Г. Зайцева и др.)

Как и любой иностранный язык, белорусский жестовый язык располагает богатым арсеналом *безэквивалентной* лексики, т.е. наличием жестов, не поддающихся прямому переводу и не имеющих точных слов-эквивалентов. Они, как правило, чаще всего выражают отношения, а не обозначают предметы окружающего мира (например, жест, *'меня это не касается'*). В отличие от слова, жестом может обозначаться целое высказывание, (*'Как аукнется, так и откликнется'*; *'Стулья стоят по кругу'*; *'Извлекь пользу (выгоду) из человека (ситуации)'*, *'Солнце село за линию горизонта'* и др.). Кроме того, существуют жестовые фразеологизмы (идиомы), сопоставимые с этим явлением в русском (белорусском) языке. В тоже время для перевода и понимания ряда устойчивых выражений русского языка – *«крокодиловы слезы»*, *«танталовы муки»* и др. необходим поиск жестовых средств для перевода словотолкования, сравнения, пояснения. При необходимости использовать научные термины носители и переводчики белорусского жестового языка обращаются к словесному языку (словотолкованию).

Лексика жестового языка – явление, сопоставимое со словарем любого звукового языка: она развивается и меняется в современном обществе, отражая веяния времени и законы языкознания. Так же как процесс развития общества стимулирует развитие словесного языка, так и развитие социума неслышащих усиливает или тормозит темпы языковых изменений, способствует перестройке некоторых элементов языковой системы, их обогащению новыми элементами. Интернет-ресурсы содержат большое количество примеров, подтверждающих внимание самих носителей жестового языка к этимологии жестов (например, видеоролик об истории возникновения и трансформации жеста «Петербург», отражающей все общественные события, изменения словесных обозначений данного города от «Ленинграда – Петергофа – Санкт-Петербурга» в исполнении Т. Давиденко («Верни свое имя! История жеста «Петербург» <https://www.youtube.com/watch?v=vHzI8Cm0abY>).

В чем грамматические особенности жестового языка? Почему его так сложно изучить и грамотно использовать в учебном процессе сурдопедагогам? Почему глухим детям, развивающимся в условиях словесно-жестового двуязычия, так сложно изучить русский язык?

Жестовый язык проходит сложный путь развития. Он может существовать как полный аналог, «слепок», «калька» словесного – калькирующая жестовая речь – КЖР. Г. Зайцева ее называет «вторичная знаковая система», а О.Сакс – «жестовой транслитерацией английского языка» [3, с.34; 5]. КЖР обычно сопровождает словесную речь, переводит ее (воспроизводит в пространстве), средствами жестового языка, при этом

полностью повторяя структуру словесного высказывания. Такую систему перевода с иностранного языка называют «дословный перевод», сейчас – «гугл перевод». Поэтому пользоваться и понимать калькирующую жестовую речь могут только глухие, освоившие основные принципы построения звуковой (словесной) речи – которую и сопровождает жестовая. Тут бесспорна взаимосвязь и взаимовлияние этих двух речевых систем. На практике неслышащие люди обращаются к калькирующей жестовой речи крайне редко (в основном, когда переводят читаемые тексты, стихи или общаются со слышащими людьми, пользующимися жестовой речью). Калькирующая жестовая речь для ребенка сложнее воспринимается, т.к. требует хорошего знания особенностей словесного языка (по грамматическим правилам которого она строится). В то же время КЖР не может быть воспроизведена и понята без владения жестовой речью, единицами которой она «калькирует», копирует словесную речь.

Долгое время среди специалистов, работающих с неслышащими во многих странах мира, существовало заблуждение: именно КЖР называли жестовым языком, а неслышащих, которые им не владели, часто называли «неграмотными глухими».

Жестовый язык глухих – это самостоятельная лингвистическая система, она функционирует по своим правилам. Именно поэтому КЖР не может считаться полноценной языковой системой и калькирующий жестовый перевод не обеспечивает точную и качественную передачу словесной информации. Главное препятствие – совершенное иные механизмы порождения и отражения реальности – не звуковые (графические), последовательные, линейные (как в словесном языке и КЖР), а визуально-пространственные, двигательные, объемные. Если, к примеру, «калькой» переводить выражение «сел на упавшее дерево» получится совершенно искаженный образ воспринимаемой зрением информации: во-первых, дерево «упадет» на уже сидящего человека, а во-вторых, дерево сначала упадет, потом «встанет» на место (т.к. при калькирующем дословном порядке перевода появится сначала жест 'упавшее', потом – 'дерево'). Поэтому чтобы точно передать значение этой фразы, понадобится двуручный жест, моделирование ситуации в пространстве и перестройка порядка жестов в высказывании [1].

Важнейшую особенность морфологии национального жестового языка, по мысли Г. Зайцевой, составляет возможность изменения способа исполнения жеста и его способность к образованию **парадигм**, представляющих нерасторжимый комплекс. В нем двигательные-пространственные характеристики жестов и их контекстные значения взаимосвязаны и взаимообусловлены. При этом способ исполнения жестов, их смысл будет меняться в зависимости от того, какой образ «несет» в себе определенная форма руки. В жестовом языке существует огромное количество таких групп, которые предстоит систематизировать и описать. Например, с «О»-дактилемой можно воспроизвести несколько

парадигм: например, смысловой комплекс, характеризующий оценку происходящего: *'отлично', 'верно', 'великолепно', 'нормально'*; можно – описание видов коммуникации *'ответ', 'подсказка', 'диалог', 'беседа', 'воспоминание'* и др., и можно – нюансы зрительных реакций *'установиться, не мигая', 'проводить взглядом', 'стрелять глазками', 'бегающие глазки', 'скосить глаза'* и др.

По словам Оливера Сакса, у жестового языка есть феноменальное качество – **«грамматизация пространства»**, способность к упорядоченному и четкому построению жестов в визуально-пространственном поле участников жестовой коммуникации. Неслышащий ребенок, который родился в семье глухих родителей, обладает этой способностью с детства. Для людей, изучающих жестовый язык, эту способность нужно развивать – и она будет являться предметом особых образовательных усилий и целенаправленной мыслительной обработки.

Очевидно, что и в словесном, и в жестовом языке есть грамматические признаки. В первом они тщательно изучены и систематизированы в большом количестве словарей, учебных пособий: это и аффиксация (значения выражаются с помощью морфем: суффиксов, окончаний), и – чередование морфем внутри корня (пеку - печёшь), ударений (соли – соли), порядка слов, и – использование служебных слов (предлогов, частиц, союзов) и множество других. Для жестового языка большинство указанных признаков не характерно; выразительно обоснованы – порядок жестов и их четкое построение в пространстве (как было описано выше – грамматизация пространства) [1; 3, с.97-99, 215; 5, с. 60].

Слышащие студенты, обучающиеся по специальности «Сурдопедагогика» и изучающие жестовый язык в Институте инклюзивного образования БГПУ, признаются, что каждое учебное занятие – для них микрооткрытие, радость познания и вместе с тем – проблемная ситуация, возможность окунуться в другую «систему мышления», в которой мозговая деятельность активизируется, начинает «просыпаться то, что раньше не работало» и т.д. На занятиях по сурдопсихологии со студентами мы изучаем особенности жестово-логического мышления, формирующегося в условиях слуховой депривации. У нас в стране впервые это определение использовала в своих работах профессор Т. Григорьева, в работах зарубежных исследователей – это явление описывается как визуальное мышление (американский доктор психологии Бернард М. Паттен), или визуально-пространственное мышление (британский нейропсихолог, профессор О. Сакс). [3; с. 103] Ответом многим сомневающимся в наличии особых языковых способностей глухих людей, проявляющихся в особом типе их мышления и отражающихся в жестовом языке, может служить пример анализа видеокейса по сурдопсихологии, в котором ребенок с нарушением слуха

(Рита С., 10 лет) описывала средствами жестового языка, зачем нужен шлагбаум. Девочка установила все нужные временные, пространственные, причинно-следственные и целевые зависимости и оформила их в жестовом высказывании за 5 секунд. Слышащие студенты после получасовых размышлений составили словесный рассказ, который мог быть словесным аналогом описанной средствами жестового языка ситуации. Получилось следующее: «Когда идет поезд, на переезде с двух сторон проезжей части перед машинами опускается шлагбаум. Машины ждут, пока проедет поезд. После чего шлагбаум открывается, и транспорт может продолжить движение, переехав железнодорожные пути по прямой и встречной полосам в обоих направлениях». Калькирующая передача этого сюжета, естественно, была бы очень громоздкой и непонятной. Кроме того, в воссоздаваемой со стороны слышащих средствами жестового языка ситуации первоначально была допущена семантическая ошибка в «грамматизации пространства» – в результате чего шлагбаум визуально опускался перед поездом!

Многие исследователи считают, что уникальные способности детей с врожденной глухотой к визуально-пространственной семантизации реальности, их «зримый голос» не задействуются и не раскрываются в традиционной системе образования неслышащих. Представительная подборка результатов зарубежных и отечественных экспериментальных исследований по данному вопросу проанализирована в российском сборнике статей «Современные аспекты жестового языка», 2006, сост. А. Комарова.

Именно поэтому работа сурдопедагога в специальной школе, использующего жестовый язык для объяснения учебного материала или общения с неслышащими – очень ответственна. Надо понимать особенности восприятия и продуцирования информации – и словесной, и жестовой людьми с нарушением слуха, осознавать, какие трудности существуют у глухого человека в понимании читаемого текста средствами жестового языка или при его переводе «калькой», уметь «включать», моделировать и стимулировать знаково-символическую деятельность в пространстве.

На жестовом языке, согласно положениям Т. Цветковой, формируется языковое сознание неслышащего ребенка и его «языковая картина мира», в которую вписывается иноязычный материал [4, с. 69-74]. Применительно к носителям жестового языка – это факт формирования сознания билингва, в котором сосуществуют, находясь в некоторых взаимоотношениях, две языковые картины: в первую – жестовую «матрицу» родного языка вписывается целенаправленно или хаотично – второй «иноязычный» для глухого человека – словесный язык.

Нередко сами неслышащие носители жестового языка высказываются так: «У глухого и слышащего (жест – 'говорящего')

человека мышление разное». У глухих учащихся наблюдается перенос лингвистических закономерностей жестового языка в самостоятельные словесные высказывания. Интерес представляет изучение результата продуцирования мыслей в SMS-сообщениях глухих. Известны случаи, когда понять сообщение глухого может только другой глухой, а слышащий человек затрудняется. Это свидетельствует в пользу положений о том, что неслышащие мыслят «в другой, своей системе координат», по законам функционирования того языка, на котором они свободно говорят и думают.

В этом состоит еще одна, очень важная особенность лингвистического развития человека с врожденной глухотой: его языковое сознание, мышление и речь формируются в сложных и специфических условиях словесно-жестового двуязычия. Поэтому задача специалистов, работающих с глухими людьми разного возраста, помогать приводить эти две языковые системы – жестовую и словесную – в закономерное соответствие.

Жестовый язык в этом контексте – не соперник языку словесному (знать который – в интересах каждого неслышащего), но серьезный помощник в овладении им. Прежде всего здесь подразумевается целенаправленная педагогическая работа по сравнительному изучению словесного и жестового языков, в результате которой у неслышащих учащихся формируется цепочка «жест–смысл–слово», и система овладения закономерностями жестового языка складывается параллельно и во взаимосвязи с процессом развития словесной речи [2; 3, с. 78-80; 5, с. 61].

В современных белорусских специальных школах наблюдается тесное педагогическое сотрудничество учителей начальной школы и предметников с учителями жестового языка по планированию речевого материала, словотолкованию, объяснению специальных терминов и определений. Наряду с положительными, обнадеживающими результатами, наблюдаются и объективные сложности определенной категории детей в овладении словесной речью даже при целенаправленном ее подкреплении сравнительным анализом с жестовым языком. Существующие трудности глухих детей в овладении словесной речью не могут чудесным образом исчезнуть только благодаря использованию жестовой речи на коррекционных занятиях и на уроках жестового языка. Использование жестовой речи в обучении глухих детей не рассматривается как универсальное средство понимания и овладения словесной речью.

Однако белорусский жестовый язык активно привлекается в коррекционно-образовательную деятельность специальных школ для детей с нарушением слуха как ступенька в овладении словесной речью, как один из вариантов оптимизации этого процесса. Педагоги, организующие занятия по развитию жестовой речи, должны создавать условия для реализации очень важной коррекционной задачи развития познавательной

мыслительной деятельности, творческих способностей глухих учащихся на доступном родном языке, обеспечивающем свободу мысли.

Выводы и перспективы дальнейшего развертывания исследования в представленном направлении. Внимание к национальным жестовым языкам за последние десятилетия во всем мире заметно увеличилось: активно проводятся лингвистические исследования, уточняющие грамматические категории жестового языка, переосмысливаются его место в системе специального и инклюзивного образования, подходы к подготовке специалистов, понимание престижа, статуса и ответственности специальности сурдопедагога и профессиональных переводчиков жестового языка.

Результаты многолетней научно-исследовательской работы позволили белорусским исследователям сформулировать основные лингвистические закономерности жестового языка – особенности лексики, грамматики, синтаксиса, описать способы выражения жестовых языковых универсалий и охарактеризовать их в учебных программах и методических рекомендациях по жестовому языку для специальных школ и для учреждений высшего образования. Так же уточнено содержание подготовки сурдопедагогов в вопросах использования жестовой речи как коррекционно-образовательного средства. Все результаты теоретических исследований в области жестового языка и практики его применения в учебном процессе специальных школ для детей с нарушением слуха также нашли отражение в учебно-методическом пособии «Методика развития жестовой речи», И. Русакович, Т. Григорьева (Минск, 2014, 2020).

Лексика и особенности грамматики белорусского жестового языка впервые представлены в формате Международного интернет-словаря жестовых языков Sign language dictionary – SPREAD THE SIGN (2016); востребована его дальнейшая разработка и шаги по внедрению в коррекционно-образовательный процесс и в систему профессиональной подготовки сурдопедагогов, учителей и переводчиков жестового языка.

Перспективами являются дальнейшие исследования, связанные с научным обоснованием определения «белорусский жестовый язык», определением его статуса, места в океане близкородственных языков и в полилингвальной подготовке неслышащих школьников наряду со словесными (русским, белорусским) и жестовым русским языками.

Белорусская система специального образования, таким образом, предусматривает опору на различные формы речи в обучении глухих детей, реализует идеи Л.С. Выготского, создавая условия для развития тотальной коммуникации, полиглотии. Организованная впервые в Республике Беларусь I Международная научно-практическая конференция «Жестовый язык в сфере защиты лингвистических, образовательных и культурных прав людей с нарушением слуха» (Минск, 2018) также подтверждает и отражает происходящие преобразования.

В заключении следует отметить, что основная проблема в изучении лингвистики жестовых языков (на которую указывала еще Г. Зайцева) – ограниченное число его носителей – высококвалифицированных лингвистов. Кинетическая (визуально-пространственная) субстанция жеста в полной мере проявляется в условиях неформального общения и позволяет вносить нюансы в движения, расшифровать которые возможно только носителю жестового языка, что, безусловно, осложняет анализ языковых проявлений. Поэтому во всех странах мира, и в Беларуси, сейчас проводится большая работа по привлечению специалистов – в большей степени неслышащих носителей жестового языка, владеющих свободно словесным национальным языком для научно-исследовательской и преподавательской работы.

Библиография

1. Зайцева Г.Л. (1999). Современные научные подходы к образованию детей с недостатками слуха: основные идеи и перспективы. *Дефектология*, 5, 52-70. 2. Русакович И.К., Мелеховец В.Ф. (2019) Международный образовательный проект «Распространим жест»: опыт разработки в Республике Беларусь. *Весті БДПУ*, 1, 15-21; <http://elib.bspu.by/handle/doc/41266>. 3. Сакс О. (2014) Зримые голоса. Москва: АСТ. 4. Словарь белорусского жестового языка на сайте проекта «Распространим жест» // Международный интернет-словарь жестовых языков **Sign language dictionary -SPREADTHESIGN** [Электронный ресурс]. 2016. Режим доступа: <https://www.spreadthesign.com/be/>. Дата доступа: 14.10.2018. 5. Цветкова Т.К. (2001) Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку. *Вопросы психологии*, №4, С.69-81.

References

1. **Dictionary of Belarusian Sign Language** on the website of the project "Let 's Spread a Gesture" (2016). International Internet Dictionary of Sign Languages. Sign language dictionary-SPREADTHESIGN [In Russian]. Retrieved from <http://elib.bspu.by/handle/doc/33273>. 2. **Rusakovich I. & Melekhovets V.** (2019). *International educational project "Let 's spread a gesture": experience of development in the Republic of Belarus* [in Russian]. Retrieved from <http://elib.bspu.by/handle/doc/41266>. 3. **Sacks, O.** (1989) *Seeing Voices: A Journey into the World of the Deaf* by Hardcover. California: University of California Press. 4. **Tsvetkova T.** (2001). The Problem of Consciousness in the Context of Foreign Language Learning [in Russian]. *Issues of psychology*, №4. P.69-81. 5. **Zaytseva G.** (1999). Modern scientific approaches to education of children with hearing disabilities: basic ideas and perspectives [in Russian]. *Defectology*, №5. P.52-70.

Дата отправки статьи: 18.03.2020

Мартинюк Т.А.	Прикладне та концептуальне розуміння анімації в процесі соціальної інтеграції молоді з інвалідністю	151
Маруда О.Г.	Принципи організації допомоги дорослим із інтелектуальними порушеннями в Данії	162
Никоненко Н.В., Федіско А.В.	Програма формування базових соціальних компетентностей у молодших школярів із затримкою психічного розвитку в умовах інклюзивного середовища	175
Нічуговська Л.І., Ніколенко Л.М.	Педагогічний менеджмент у розвитку інтегральної компетентності майбутніх фахівців галузі спеціальної освіти в умовах магістратури	188
Обухова Н.О., Дудченко Т.М.	Особливості кохлеарної імплантації та методи слухомовленнєвої реабілітації дітей з кохлеарним імплантом	201
Русакович І.К.	Лингвистический анализ белорусского жестового языка в контексте совершенствования образовательной политики и системы	213
Рябченко Н.М., Драєвська С.А., Савіцька Г.І.	Особливості психолого-педагогічного супроводу старших школярів із синдромом Дауна Врахування особливостей формування морально-етичних норм поведінки в учнів з інтелектуальними порушеннями в освітньому процесі інклюзивного закладу	230 240
Саранча І.Г.	Тренінгова програма протидії насильству в родинах осіб з інвалідністю	249
Сімко А.В.	Особливості створення порівнево-збалансованої програми корекції психомоторики молодших школярів з особливими освітніми потребами	257
Утьосов Я.А.	Особливості провідної діяльності підлітків з інтелектуальними порушеннями в контексті формування у них соціальних компетентностей	267
Чепурна Л.Г.	Внесок К.М. Турчинської у розвиток вітчизняної корекційної педагогіки	278
Черненко Т.В.	Сучасний стан історико-педагогічних досліджень системи навчання та виховання дітей з особливими освітніми потребами в Україні	290
Шевченко С.Н.	Организация учебного процесса для детей с особыми потребностями в эпоху независимости Украины (2000-ых гг.)	302

Русакович, И.К. Лингвистический анализ белорусского жестового языка в контексте совершенствования образовательной политики и системы /И.К. Русакович // Актуальні питання корекційної освіти (педагогічні науки): збірник наукових праць: Вып. 16. – Т. 2 / под ред. М.К. Шеремет. – Кам'янець-Подільський: Видавець Ковальчук О.В., 2020. – С. 213 – 229.